Рецензии

Алексей Титков

Растущая пустота большого города: Нильс Кристи, автор «Разделения труда» и «Самоубийства»

Рецензия на книгу: Кристи Н. (2014) *Плотность общества*, СПб.: Алетейя.

Нильс Кристи, криминалист и социолог преступности из Университета Осло, хорошо известен в России специалистам, занимающимся проблемами преступлений, правосудия и тюрем. Большинство его главных работ переведены на русский язык[1]. Теперь издано относительно раннее (1975 г.) сочинение Кристи,

Титков Алексей Сергеевич — социолог (МВШСЭН 2010), кандидат географических наук (Институт географии РАН, 1998), доцент философско-социологического отделения РАНХиГС, доцент факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: политическая социология, социология религии, культурсоциология. E-mail: a-titkov@yandex.ru

Подготовлено в рамках НИР «Социально-культурные детерминанты организационного поведения: практики, рефлексии, механизмы контроля и поддержание институциональной солидарности» (Государственное задание РАНХиГС за 2014 г.).

1 Перевод работы Кристи «Limits to pain» («Пределы наказания», в последующих изданиях — «Причиняя боль»), следующей после «Плотности общества», вышел в издательстве «Прогресс» в 1984 г. почти сразу за английским изданием [Christie, 1981]. В последние годы изданием (переизданием) работ Н. Кристи занимается петербургское издательство «Алетейя», где вышли его «Приемлемое количество преступлений» (2006, 2011), «Причиняя боль» (2011), «Простые слова для сложных вопросов» (2011), «Контроль над преступностью как индустрия» (2012), «Удобный враг: наркополитика в Скандинавии» (2013).

в котором он предлагает более широкий взгляд на общество, его устройство и происходящие с ним изменения[1].

Работа выглядит как манифест, обращение ко всем норвежцам, обеспокоенным проблемой преступности, но может быть прочитана и как текст скорее академический, продолжение классических дискуссий о природе современного общества. Чисто теоретическое прочтение мне кажется не менее важным. Идея, что «преступность напрямую связана с общественными условиями. Именно их и надо менять» [Там же, с. 11], сама по себе давно стала общим местом, кого-то вдохновляющим, кого-то нет. Проблема, как и 100–200 лет назад, с объясняющей частью: каков характер этой связи и где те ключевые звенья, на которые можно повлиять.

Противопоставление, вокруг которого строит аргументацию Кристи, — большие общества крупных городов против небольших обществ городков и сельской местности — заставляет вспомнить едва ли не всю череду классиков социологии рубежа XIX–XX веков. Намерение «понять общество, исследуя его преступность» [Там же, с. 10], акцент на специализации, разделении трудовых ролей как двигателе перехода от небольших обществ к крупногородским и значимой характеристике больших обществ, обнаружение ключевой проблемы в недостаточной плотности межличностных связей в современном обществе, а их решение в политических мерах, позволяющих эту плотность вернуть или хотя бы поддержать, — все эти опорные конструкции текста Кристи уже отчетливо отсылают к идеям Дюркгейма из его хрестоматийных «Разделения общественного труда» и «Самоубийства». Иногда аргументация Кристи заставляет вспомнить борхесовского Пьера Менара, сочинившего заново несколько глав «Дон Кихота», которые, уточняет Борхес, стали при этом новым сочинением с совсем другим смыслом. Отсутствие в «Плотности общества» каких-либо упоминаний Дюркгейма (прямая отсылка и даже полемика появятся только в Limitis to pain) делает Кристи похожим на другого персонажа Борхеса, правителя Цюй Пэна из «Сада расходящихся тропок», который написал роман о времени, ни разу не употребив слово «время». Придираться к отсутствующим ссылкам здесь, наверное, нет смысла: жанр популярного текста

1 Переведено второе издание 1982 г. [Christie, 1982b], где автор исключил главы о судах и мерах наказания, выросшие в отдельную книгу «Limits to pain», и дополнил статистические ряды и выводы по ним. Русский перевод «Плотности общества» уже издавался в 2001 г. Центром содействия реформе уголовного правосудия Валерия Абрамкина, но тогда его небольшой, даже не указанный в выходных данных, тираж был доступен лишь узкому кругу правозащитников и криминалистов.

для неспециалистов, обращения к гражданам, предполагает свои правила, отличающиеся от академических. Заметим основное: здесь мы видим не просто обращение к классикам, которое, как нас учили, помогает в трудных случаях теоретических неполадок [Alexander, 1987], а целостный и добротный образец мышления в категориях прошлого рубежа веков — они, как показывает этот пример, все еще «на ходу» и могут решать вполне актуальные задачи.

Родство подходов Кристи и Дюркгейма обнаруживается, прежде всего, в общей постановке задачи: предложить такие формы общественной организации, в которых издержки вроде насилия или вообще взаимного вреда были бы наименьшими. «Приемлемое (suitable) количество преступлений», о котором говорит Кристи в более поздней работе [Christie, 2004; Кристи, 2006], — узнаваемый, хотя и не прямой родственник «нормы патологии» Дюркгейма[1].

Решить Кристи и Дюркгейм хотят одну и ту же проблему: разреженные, потерявшие плотность связи между индивидами, ослабление взаимного морального контроля. Кристи, как и Дюркгейм, видит в них неизбежное следствие процессов, создающих современное общества, и точно так же он уверен, что можно сгладить нежелательные стороны такого перехода. Дюркгейм [1994, с. 370–371] хочет выяснить, как «сделать социальные группы снова достаточно сплоченными, чтобы они крепче держали индивида», Кристи пытается определить оптимальную плотность общества[2].

Решение, которое ищет Кристи, тоже узнаваемо дюркгеймовское: повлиять на морфологию общества, выяснив, «насколько большими должны быть структурные единицы пространства, в котором мы живем», т. е. «поселки, микрорайоны, города, даже страны» [Кристи, 2014, с. 6]. Заявляя, к примеру, что депутаты парламента голосуют за рост насилия, выделяя деньги на дорожное строительство [Там же, с 139–140], Кристи, наверное, полемически заостряет свою мысль, но общая логика его модели приводит именно к такого рода выводам,

1 Отличие Кристи от Дюркгейма здесь в том, что для Дюркгейма патологии вроде преступлений или самоубийств были чем-то объективным (и, значит, измеряемым) для данного типа общества, тогда как для Кристи важно подчеркнуть, что само понятие «преступления» представляет собой социальный конструкт и на самом деле «преступности не существует» (Кристи 2006: 12–26) и «велика ли преступность в нашем обществе? [...] Этого мы никогда не узнаем» [Кристи, 2014, с. 40–42].

2 Норвежское название работы Кристи буквально переводится «Насколько плотно общество?». Ключевое слово «tett» обозначает что-то плотное, густое, затрудняющее движение, в том числе непроходимые заросли, непроницаемый туман, частую сетку или решетку, туго затянутый узел и т. д. [Аракин, 2000, с. 313].

в частности, «если мы хотим снизить уровень преступности, нельзя допускать роста городов» [Там же, с. 129].

Наконец, философская максима Кристи, несколько раз повторяющего, что «зло и добро растут из одного корня», «зло может быть результатом чего-то хорошего, что нравится нам, нравится другим» [Там же, с. 12, 37], скорее всего, была бы близка и Дюркгейму, признававшему, что раз мы не знаем ни одного общества, в котором не было бы преступности и нарушений морали, — значит, преступление «не может не быть, [...] основные условия общежития, такие, какими мы их знаем, его логически обусловливают» [Дюркгейм, 1994, с. 357][1].

Подобно тому, как в логике Дюркгейма каждый необходимый элемент социальной (моральной) организации — приверженность своему сообществу, индивидуальная свобода и стремление к прогрессу — оборачивается своим особым типом самоубийства, альтруистическим, эгоистическим или аномическим [Дюркгейм, 1994, с. 359–360], Кристи понимает, что любое решение, которое предложит он или другой социальный исследователь, неизбежно вызовет последствия, которые здравый смысл и общественное мнение посчитали бы нежелательными. Кристи без обиняков призывает переустроить общество так, чтобы в нем было больше правонарушений против чести и достоинства и больше конфликтов между соседями [Кристи, 2014, с. 6, 12–15; Christie, 1977], которые суть неизбежная цена более «плотной» социальной организации.

Учитывая родственность подходов Кристи и Дюркгейма, подходящей отправной точкой для сравнения может стать фрагмент из «Limits to pain», в котором Кристи сам объясняет, в чем он расходится со своим знаменитым предшественником. Напоминая о теоретической схеме из «Разделения общественного труда», в котором механическая солидарность сменяется органической, Кристи говорит, что не согласен с Дюркгеймом, по крайней мере, в одном важном пункте. Для Дюркгейма [1991, с. 129–133] все члены небольшого примитивного сообщества одинаковые («кто видел одного туземца Америки, видел их всех»), и им нечем обмениваться друг с другом. Кристи считает такую позицию предрассудком, сделавшим Дюркгейма «слепым к разнообразию, существующему внутри маломасштабного общества» [Кристи, 2011а, с. 87]. Для Кристи, наоборот, «маломасштабное общество со множеством

1 Разницу философских и этических позиций Кристи и Дюркгейма помогает обнаружить собственная максима последнего: «то, что составляет необходимое условие жизни, не может не быть полезно, если только сама жизнь полезна» [Там же, с. 358]. Кристи, считающий преступление злом, вряд ли бы с ней согласился.

взаимных зависимостей, в котором участники взаимодействия незаменимы», могло бы служить «наилучшим примером органической солидарности» [Кристи, 2014, с. 88]. Точно так же в современном обществе Дюркгейм видит рост индивидуализма («два индивида это, несомненно, разные люди»)[1]. Кристи обращает внимание на обратное: в больших сообществах люди воспринимаются уже не личностями (как это было в небольших сообществах, где все их знали, видели и оценивали каждый шаг), а исполнителями профессиональных ролей, стандартизованными и взаимозаменяемыми [Кристи, 2011а, с. 87–88; Кристи, 2014, с. 30–31)[2].

Кристи не разделяет и криминологическую часть модели Дюркгейма, считавшего, что в современном обществе с преобладающей органической солидарностью гражданское (реститутивное) право вытесняет уголовное (репрессивное), преобладавшее в более примитивных обществах с механической солидарностью [Дюркгейм, 1991, с. 133–141]. Кристи, наоборот, уверен, что «некоторые страны, слаборазвитые в промышленном отношении, широко используют гражданское право там, где мы применяем уголовное» [Кристи, 2011а, с. 89], и такой опыт кажется ему полезным ориентиром. Кристи считает современное право излишне репрессивным и готов искать ему альтернативу в обычаях, например, эскимосов Гренландии или изученной М. Глакменом народности баротсе в Северной Родезии (Замбии), где ситуации, которые в европейском обществе стали бы предметом уголовного суда, рассматриваются в рамках процедуры, призванной компенсировать вред пострадавшим и примирить стороны [Кристи, 2011а, с. 87–95].

Из других значимых расхождений с Дюркгеймом заметим, что в понимании причин и последствий разделения труда схема Кристи оказывается ближе к марксизму, чем к дюркгеймианству. В дюркгеймовской концепции разделение труда происходит «по мере того, как общества становятся более объемистыми и плотными», и соответственно «борьба за жизнь в них более энергична»

1 Ср.: «Наоборот, у цивилизованных народов два индивида различаются один от другого с первого взгляда и без всякого предварительного ознакомления» [Дюркгейм, 1991а, с. 129].

2 Кроме того, понятие «сегментарного общества», которое Дюркгейм применял к примитивным обществам с механической солидарностью [Дюркгейм, 1991а, с. 166–183], Кристи относит, наоборот, к современным обществам, правда, в другом смысле, понимая под «сегментами», дневную (рабочую) и ночную (домашнюю) части, на которые поделена жизнь современных горожан [Кристи, 2014, с. 31; Christie, 1977].

[Дюркгейм, 1991, с. 248]. В модели Кристи решающим условием, определяющим форму организации сообщества, становится «вид средств производства»: «простейшие средства производства не обеспечивают возможности существования больших масс людей», а «чем сложнее средства производства, являющиеся предпосылкой большой концентрации населения, тем сильнее тенденция к специализации» [Кристи, 2014, с. 18–19]. В небольшом сообществе специализация не нужна и опасна: на каждую специальную операцию приходилось бы по одному мастеру, и вся работа встанет, когда он выйдет из строя [Там же]. В прошлом, когда «простейшие средства производства» не обеспечивали возможности для существования больших масс людей, небольшие сообщества росли по модели почкования: лишние жители уезжали в другое место, чтобы создать там такое же небольшое сообщество. И наоборот, когда появились современные сложные производства, требующие специалистов и специализации, начался рост обществ по модели укрупнения, в которой поселки вырастают в города, фельдшерский пункт становится больницей, мастерская — заводом и т. д. [Там же, с. 17–21].

Другое важное последствие, к которому привели современные производства, состоит для Кристи в том, что они создают условия для неравного распределения дохода, власти и престижа. Неравенство возникает вследствие специализации, необходимой на сложных производствах, в отличие от небольших сообществ, где каждый должен освоить разные виды работ, чтобы быть способным заменить соседа или помочь ему. Кроме того, размер и сложность современных производств усиливают влияние экспертов и управленцев и, наоборот, сокращают возможности рядовых работников — все это сказывается и на общественной организации [Кристи, 2014, с. 19–21][1].

1 Ср.: «Авторитаризм обусловлен самой формой средств производства. Технологическая сложность не позволяет любому рядовому гражданину понять весь процесс производства и, соответственно, предложить обоснованную критику. Воцаряется власть экспертов, что означает то же самое, что и авторитаризм» [Кристи, 2014, с. 21]. Приведенный тезис принадлежит младшему коллеге Кристи по Университету Осло социологу-марксисту Д. Эстербергу. Возможно, Эстерберг повлиял и на «дюркгеймовскую» часть «Плотности общества»: именно в годы, когда Кристи работал над своей книгой, Эстерберг готовил диссертацию о социальной теории Дюркгейма [Østerberg, 1974]. Наверное, стоило бы сопоставить пессимизм Кристи и Эстерберга с острожным, но все-таки оптимизмом авторов опубликованного немногим раньше, в 1967 г., известного советского исследования «Человек и его работа», считавших, что в результате технического прогресса должна возрастать с ожидаемыми положительными социальными последствиями доля творческого труда

Производственный детерминизм Кристи, считающего средства производства скорее внешней по отношению к общественному устройству силой, во многом определяющей последнее («в самих средствах производства заложено принуждение» [Там же, с. 19]), конечно, расходится с классическим дюркгеймовским принципом «объяснять социальное через социальное»[1]. Предложение Кристи, что «именно средства производства мы и должны контролировать, если хотим создать предпосылки социального контроля над каждым конкретным гражданином» [с. 20][2], логично вытекает из такого производственного детерминизма. Из дальнейшей аргументации, правда, становится понятно, что речь идет скорее о контроле за формами организации, о принудительном разукрупнении больших компаний [с. 141–143]. Должна ли (и может ли) такая реорганизация повлечь за собой и изменение технологий, Кристи не поясняет[3].

Другой, кроме марксизма, важный для Кристи источник — интеракционистская традиция[4]. Плотный неформальный контроль, существующий в небольших сообществах, Кристи называет «первичным контролем», прямо сопоставляя его с «первичной группой» Ч. Кули и его последователей [Кристи, 2014, с. 143; Кристи, 2011b, с. 131–134]. Первичный контроль «возникает сам по себе» за счет присутствия других людей, каким-либо образом значимых для индивида. Ближайшее окружение, наблюдающее за индивидом, добивается от него желательного поведения и принимает меры, чтобы предотвратить нежелательное [Кристи, 2014, с. 33–35]. Вторичный контроль специалистов и государственных институтов возникает в ситуациях, когда первичный контроль больше

[Здравомыслов, Ядов, 2003], т. е. в примерном переводе на терминологию Кристи и Эстерберга все больше работников становились бы экспертами, примерно равными друг другу.

1 Для Дюркгейма «исходное начало всякого более или менее важного социального процесса следует искать в устройстве внутренней социальной среды» [Дюркгейм, 1991b, с. 501].

2 Цитата изменена, в книге — «создать предпосылки общественного контроля». Такой перевод кажется мне неудачным, поскольку под «общественным контролем» обычно понимается контроль со стороны гражданских активистов, а не повседневный контроль первичной группы, о котором пишет Кристи.

3 Связь между масштабом и технологией Кристи прослеживает для торговли: в мелких магазинах продавец за прилавком, крупных свободный доступ к товарам, первый тип сдерживает кражи, второй их поощряет [с. 101–103].

4 Ограничениями интеракционизма Кристи считает в интересующей его теме преступности «моральную слепоту» и неспособность объяснить динамику уровня преступности [Кристи, 2011b, с. 134–137].

не действует. Небольшие общества были соразмерны первичным группам и, кроме того, объединяли людей, примерно равных и примерно в равной степени зависящих друг от друга. Новые масштабы больших обществ оказались слишком велики для первичных групп[1], а специализация и связанное с ней неравенство уменьшило взаимную зависимость. Теперь сложнее заметить отклонение и сложнее повлиять на нарушителя, именно в таких условиях становится нужной помощь специалистов. Подчеркивая важность вторичного контроля для больших обществ, Кристи иногда определяет его как «общество экспертов», противопоставляя маломасштабному «обществу скрытых структур», построенному на повседневном знании его членов друг о друге [Кристи, 2011a, с. 72–74, 80–81].

Стигма, другое понятие, взятое Кристи у интеракционистов [Кристи, 2014, с. 143; Кристи, 2011b, с. 131–134], тоже связывается им с плотностью взаимного контроля, вернее, с типом общественного устройства, приводящего к большей или меньшей плотности. В современном обществе, с одной стороны, стигма, поставленная первичным окружением, перестает быть действенной, поскольку от нее можно скрыться в другом месте, среди незнакомых людей [Кристи, 2014, с. 143–144]. С другой стороны, как доказывает Кристи в «Limits to pain», стигмы, которые проставляют структуры вторичного контроля, оказываются стандартными, упрощенными. В небольших сообществах, члены которого хорошо знают друг друга, простые обобщающие определения вроде «преступление» или «помешательство» часто оказываются недостаточными, чтобы описать конкретную ситуацию во всей ее сложности. Вмешательство государственных институтов с их простыми различениями («норма», «преступление») и стандартной системой наказаний проявляется только в случаях, когда первичное окружение больше не справляется и нужна помощь извне [Кристи, 2011b, с. 72–75, 80–82].

Ключевое для Кристи понятие «плотности общества» используется им примерно в том же смысле, как у Дюркгейма в «Методе социологии» и «Самоубийстве». Это нравственная сплоченность, измеряемая числом индивидов в нравственных отношениях друг с другом [Дюркгейм, 1991b, с. 500–503], «паутина взаимоотношений» или система, где каждое действие индивида регулируется «обратной

1 Кристи [2014, с. 31 и др.], в частности, регулярно обращает внимание на разрыв между работой и жильем: коллеги по работе больше не связаны общим местом жительства, а соседи по спальному району — общей работой.

связью» от окружающих [Кристи, 2014, с. 33, 73][1]. Именно за счет плотности сообщества возможен неформальный (или первичный) контроль индивидов друг за другом.

«Плотность», по Кристи, включает в себя два основных измерения: видимость и взаимную зависимость, т. е. в какой мере члены сообщества знают о поведении друг друга и насколько действенным оказывается их взаимное давление. Небольшие сообщества могли быть плотными за счет того, что индивид все время находился в поле зрения своей первичной группы (хорошая видимость), а члены сообщества были примерно равными по своему положению и нуждались в помощи друг друга в сложных ситуациях (сильная взаимная зависимость)[2]. В современных обществах укрупнение социальных единиц и специализация труда приводит к тому, что люди становятся менее «видимыми» для своего окружения и менее зависимыми от него [Там же, с. 37–39]. Преобладавшая в малых обществах зависимость от соседей в большом обществе превращается в зависимость от специалистов (врачей, адвокатов, страховщиков и др.) и взаимную зависимость между организациями и профессиональными ролями.

Кристи не говорит, какое из двух измерений плотности для него важнее, но, скорее всего, он выбрал бы взаимную зависимость. Общество с хорошей видимостью и слабой взаимной зависимостью Кристи обнаруживает в тюрьме и тоталитарном государстве [Там же, с. 38–39][3]. Видимость в нем обеспечивается за счет контроля узкой группы специалистов за всеми остальными. Трудно сказать, имел ли Кристи в виду, что отмеченная им тенденция (разрушение взаимозависимости и растущее влияние экспертов) приводит в пределе именно к такому типу организации, но можно предположить, что тезис, если додумать его до конца, окажется именно таким. Кристи, по крайней мере, считает актуальным опыт концлагерей Второй мировой войны и разбирает пример одного из них (лагерь для сербов в Норвегии), чтобы объяснить механизм, — «подобное становится возможным только из-за отсутствия близости между людьми» — почему люди убивают других, например, в Нью-Йорке [с. 76–81].

1 Кристи оставляет без объяснений второе ключевое слово «общество», но в целом из текста можно понять, что Кристи применяет его к широкому классу явлений от первичных групп до национальных государств.

2 В следующей работе «Limits to pain» Кристи [2011a, с. 81–82] уточняет, что наряду с размером важна длительность существования сообщества, позволяющая (или нет) его членам накопить информацию друг о друге.

3 Примеров противоположного типа с сильной взаимной зависимостью и плохой видимостью Кристи не обнаруживает.

Первая задача Кристи — показать, к чему приводит движение в сторону «модели Чикаго», крупных обществ с малой плотностью [с. 38][1]. Динамику он прослеживает на близком ему материале государственной (в основном норвежской) статистики правонарушений. Последняя представляет собой, конечно, типичный случай вторичного контроля, и Кристи относится к ней в первую очередь именно так. Рост числа зарегистрированных правонарушений в Норвегии со второй половины 1960-х важен для Кристи как признак усиления вторичного контроля при одновременном ослаблении первичного независимо от того, стоит ли за этой статистикой реальный рост нежелательного поведения или нет [с. 49–50].

Последствия перехода к большому обществу Кристи описывает U-образной кривой с двумя крайними состояниями, повышенной плотностью и разобщенностью, каждое из которых по своим причинам провоцирует значительный уровень насилия. В промежутке между ними уровень насилия сокращается по мере удаления от максимальной плотности и опять начинает расти по мере приближения к минимальной [с. 72–73]. В небольшом обществе с высокой плотностью вероятность насилия выше из-за того, что индивид не может вырваться из сети отношений с соседями, поэтому конфликты с ними не могут закончиться уходом одной из сторон. В большом разобщенном обществе теряется сдерживающее насилие чувство общности, восприятие других людей «такими же, как я» [с. 73–76].

Логику U-образного графика дополняет сравнительное исследование коллеги Кристи, датского криминолога П. Вольфа [Wolf, 1971], сопоставившего динамику насилия и краж с уровнем промышленного развития. Уровень насилия изменяется по такой же логике U-образной кривой: много насилия в странах с низким уровнем индустриализации, снижение в странах с высоким уровнем и снова повышение в случае США. Уровень преступлений против собственности с уровнем индустриального развития, наоборот, растет и остается высоким [Кристи, 2014, с. 81–82].

Три вида краж, которые рассматривает Кристи (домашние, корпоративные и магазинные), каждое по-своему отражает логику

1 В другой своей работе Кристи с сочувствием цитирует Э. Гоулднера, описывающего Чикаго начала XX в. как город, где «с первых же дней его существования гнездятся пороки», а «респектабельное общество готово прощать и защищать девиантность» [Кристи, 2011с, с. 135]. Возможно, упоминаемая в «Плотности общества» модель Чикаго предполагает в какой-то мере и такой оттенок значения.

большого общества с пониженной плотностью. Кражи частной собственности в обществе с ослабленными связями не только стали более частыми, но и воспринимаются особенно остро, поскольку они переживаются как вторжение кого-то чужого на личную территорию, а жизнь в окружении малознакомых соседей вообще способствует страхам перед кем-то чужим и неизвестным, в отличие от небольших обществ, где «все знают или думают, что знают, кто вор» [Там же, с. 99–100]. Наоборот, экономические преступления (например, уклонение от уплаты налогов) кажутся более терпимыми даже при значительном ущербе от них: они, с одной стороны, не сказываются так явно на нашем доверии к окружающим, с другой — происходят в области, понятной лишь профессионалам [с. 97–98]. Наконец, кражи в крупных магазинах представляют для Кристи образцовый пример преступности, порождаемой большим обществом. Малые магазины, у которых способы борьбы с воровством были встроены в систему (прилавок и продавец за прилавком), проигрывают конкуренцию и исчезают, а сменяющие их большие образования вынуждены тратиться на технический контроль, охранников, задают дополнительную работу для полиции и судов. Для Кристи «полицию и суды призывают заменить исчезнувшие прилавки», поскольку «самый эффективный способ контроля над преступностью, который был частью человеческих взаимоотношений, теперь отсутствует» [с. 101–103].

Последняя важная часть работы — решения намеченных проблем или, точнее, области, на которой Кристи советует сосредоточиться. Заметим сразу, что ответы Кристи не совпадают с ответами Дюркгейма, который надеялся, что солидарность и моральный контроль в современном обществе смогут укрепиться за счет корпораций и профсоюзов [Дюркгейм, 1994, с. 376–391; Дюркгейм, 1991а, с. 5–35]. Кристи не так оптимистичен: он согласен, что работа помогает социальной интеграции, но видит в современном производстве, по крайней мере, три угрозы солидарности общества. Включенность в работу, которая в небольших сообществах была почти всеобщей, становится привилегией, доступной, прежде всего, мужчинам среднего возраста. Другие группы, проигравшие в конкуренции за право работать (молодежь, пожилые, инвалиды, женщины), перестают быть полноправными и востребованными [Кристи, 2014, 24–26, 108–111, 116–120]. Возникает проблема контроля над исключенными группами (прежде всего, молодежью), на которые приходится основная часть правонарушителей [Там же, с. 33–34, 106–117]. Солидарности работающих мешают еще две угрозы. Современные технологии разрывают когда-то прочную связь между местом работы и местом проживания, так что

коллеги по работе видят только «дневную» часть [с. 30–31]. Наконец, даже в рабочей части жизни социальный контроль сталкивается с авторитарной и иерархической, по принципу пирамиды организацией, к которой тяготеет современное (1970–1980-х годов) сложное производство. Власть в такой организации принадлежит управляющим экспертам, а для рядовых работников возможности повлиять на что-либо, в том числе друг на друга, оказываются минимальными [с. 19–21].

Поскольку корпорации в «Плотности общества» не путь к решению, а часть проблемы, Кристи думает прежде всего над тем, как остановить их рост, который он сравнивает с метастазами раковой опухоли [с. 142]. Государственный контроль над корпорациями Кристи считает тупиковым: «крупная корпорация, созданная для контроля над крупными корпорациями», только способствует еще большей раздробленности и специализации, сокращению первичного контроля и разрастанию вторичного [с. 141–142]. Выход, возможно, состоит в том, чтобы «постепенно ликвидировать гигантов», не поддающихся контролю, и воссоздать организации, по размеру и сложности поддающиеся контролю обычных людей [с. 143].

Кристи нельзя считать однозначным сторонником «плотного общества», он неоднократно пишет о его неудобствах: их организация может стать настолько «ограниченной и тесной», что «близость тех немногих людей, с которыми ты соприкасаешься, вызывает удушье» [с. 6]; маленькие городки с их атмосферой всеобщей слежки многие покидают с облегчением [с. 37].

Способы разрешения конфликтов в «плотном обществе» (для Кристи это тема особенно важна) тоже не выглядят однозначно привлекательными. Пример деревушки в Калабрии, где каждый мужчина «готов в буквальном смысле драться за свои права» и должен убедить в этом окружающих, где центральное место занимают угрозы мести, а все жители неминуемо попадают в «ситуацию на грани войны» [с. 75–76], слишком явно напоминает гоббсовский мир до гражданского состояния. Разбираемая Кристи в других работах модель «юстиции причастных», в которой жертва и нарушитель вместе выясняют отношения в присутствии других членов сообщества, тоже имеет неприятные оборотные стороны [Кристи, 2011а, с. 89–95]. В ней, в частности, возможно угнетение слабого меньшинства, негуманные, вроде пыток, способы разрешения споров, и в таких случаях желательно уже вмешательство государственной власти [Кристи, 2014, с. 110–111]. Теоретического решения, что лучше, и где необходимый оптимум, Кристи не предлагает, его ответ — «политический», «для практики»: сегодня, в эпоху больших национальных государств, должно быть

правильным всякое движение в противоположном направлении [Там же].

Наконец, важный, вполне парадоксальный вывод из тезиса Кристи, что важной проблемой современного общества оказывается слишком большая роль экспертов и специалистов, в том числе, продолжая мысль, криминалистов и самого автора: в какой-то мере он тоже, как и его коллеги, служит вторичному контролю в ущерб первичному. К чести Кристи он прямо проговаривает этот вывод и признает, что криминалистов, как и других профессионалов, должно быть меньше, и они должны меньше вмешиваться в разрешение споров между людьми [Christie, 1977]. Возможно, популярный, «для обычных людей», стиль сочинений Кристи тоже следует из этих выводов; по крайней мере, они хорошо согласуются друг с другом.

Читая Кристи глазами академического исследователя, мы тоже вправе, добравшись до конца, спросить, что нам делать дальше. Похоже, области и проблемные точки, на которые указывает Кристи как социальный реформатор, оказываются в его модели самыми важными и с чисто исследовательской точки зрения. Прежде всего, мы должны обратить внимание на крупные компании, а внутри компаний — на зреющие в них конфликты, которые, как мы знаем из Зиммеля и Козера, служат еще и способом укрепления солидарности. Должны сравнить их с компаниями средними и малыми, где, возможно, сохранились или развились другие способы обращения с конфликтами и солидарностью. Решая эти задачи, нам придется, наверное, снова вернуться к классикам. Кристи дал для этого новые поводы.

Библиография

Аракин В. (2000) *Большой норвежско-русский словарь,* М.: Живое слово.

Борхес Х. Л. (1994). *Вымышленные истории.* Борхес Х. Л. Сочинения: в 3 т., Рига: Полярис: Т. 1. Эссе. Новеллы: 271–381.

Дюркгейм Э. (1990) *О разделении общественного труда. Метод социологии,* М.: Наука.

Дюркгейм Э. (1994) *Самоубийство: Социологический этюд,* М.: Мысль.

Здравомыслов А., Ядов В. (2003) *Человек и его работа в СССР и после*, М.: Аспект Пресс.

Кристи Н. (2006) *Приемлемое количество преступлений,* СПб: Алетейя.

Кристи Н. (2011a) *Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике,* СПб: Алетейя: 18–116.

Кристи Н. (2011b) *Стереотип деликвента и стигматизация.* Кристи Н. *Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике,* СПб: Алетейя: 131–150.

Кристи Н. (2011с) *Социальный контроль и община*, СПб: Алетейя: 151–159.

Alexander J. The Centrality of the Classics. A. Giddens, J. Turner (eds). *Social Theory Today*, Cambridge: Polity Press, 1987: 11 – 57.

Christie N. (1977) Conflicts as Property. *British Journal of Criminology*, 17 (1): 1–15.

Christie N. (1977) Conflicts as Property. *British Journal of Criminology*, 17 (1): 1–15.

Christie N. (1981) *Limits to Pain*, Oxford: Martin Robertson.

Christie N. (1982) *Hvor tett et samfunn?* Oslo: Universitetsforlaget.

Christie N. (2004) *A Suitable Amount of Crime*, London; New York: Routledge.

Wolf P. (1971) Crime and Development: An international comparison of crime rates. *Scandinavian Studies in Criminology*, (3): 107–120.

Østerberg D. (1974) *Emile Durkheims Samfunnslære*. Oslo: Pax.

References

Alexander J. The Centrality of the Classics. A. Giddens, J. Turner (eds). *Social Theory Today*, Cambridge: Polity Press, 1987: 11–57.

Arakin V. (2000) *Bol'shoy norvezhsko-russkiy slovar' [Big Norwegian — Russian dictionary]*, M.: Zhivoe slovo.

Borges J. L. (1994). Vymyshlennye istorii [Fictions]. // Borkhes Kh. L. Sochineniya: v 3 t. [*Works, 3 volumes]*, Riga: Polyaris: T. 1. Esse. Novelly [Vol. 1. Essays and Short Stories]: 271–381.

Christie N. (1977) Conflicts as Property. *British Journal of Criminology,* 17 (1): 1–15.

Christie N. (1981) *Limits to Pain*, Oxford: Martin Robertson.

Christie N. (1982) *Hvor tett et samfunn?* Oslo: Universitetsforlaget.

Christie N. (2004) *A Suitable Amount of Crime*, London; New York: Routledge.

Christie N. (2006) *Priemlemoe kolichestvo prestupleniy [A Suitable Amount of Crime]*, SPb: Aleteyya.

Christie N. (2011a) *Prichinyaya bol'. Rol' nakazaniya v ugolovnoy politike [Limits to Pain: The Role of Punishment in Penal Policy]*, SPb: Aleteyya: 18–116.

Christie N. (2011b) Stereotip delikventa i stigmatizatsiya [The Delinquent Stereotype and Stigmatisation] // Christie N. *Prichinyaya bol'. Rol' nakazaniya v ugolovnoy politike [Limits to Pain: The Role of Punishment in Penal Policy]*, SPb: Aleteyya: 131–150.

Christie N. (2011s) *Sotsial'nyy kontrol' i obshchina [The Social Control and Community]*, SPb: Aleteyya: 151–159

Durkheim E. (1990) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [The Dicision of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]*, M.: Nauka.

Durkheim E. (1994) *Samoubiystvo: Sotsiologicheskiy etyud [Suicide: A Study in Sociology]*, M.: Mysl'.

Østerberg D. (1974) *Emile Durkheims Samfunnslære*. Oslo: Pax.

Wolf P. (1971) Crime and Development: An international comparison of crime rates. *Scandinavian Studies in Criminology,* (3): 107–120.

Zdravomyslov A., Yadov V. (2003) *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle [A Man and his Work in the USSR and Afterwards]*, M.: Aspekt Press.